

основе интерпретации научного события можно назвать эквивалентным, если количество лингвистических высказываний на одном языке соответствует количеству лингвистически взаимозаменяемых высказываний на другом языке. Если же, например, на русском языке интерпретация научного события может быть высказана в 3-х лингвистических вариантах, а на английском языке в 6-ти вариантах, то это значит, что для одного русского слова в английском языке имеется два партнера, которые в равной мере можно использовать в ПТ, так как оба слова близки к той соотнесенности с действительностью, которая характерна для слова ИТ на ИЯ. Однако такой перевод – в двух вариантах на ПЯ, следует отнести не к эквивалентному, а к тождественному переводу. Метод моделирования терминологических высказываний, когда в модельных высказываниях переводчик опирается на свой опыт и багаж знаний по теории и практике перевода научных текстов, используя слова-

синонимы, слова-интерпретаторы, слова-заменители, а также владеет лексико-грамматическими особенностями различных контекстных ситуаций, дает преимущественные доказательства в пользу того или иного вида лексического перевода, т.е. свидетельствует в пользу той классификации лексического перевода, которая предложена в данной работе.

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Современный литератор, 2007. -976 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Институт русского языка ОГИЗ. Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей. М.: 1949.
3. Ибн Сина. Избранные философские произведения. М.: Высшая школа, 1980.
4. Hemigway E. Fiesta and the sun also rises. С-П.: КАРО, 2009.С.82,85, 83, 169-170, 176.
5. Alfred Coppard. Fifty pounds. Stories. М.: Высшая школа, 1965. С.65.
6. Charles Reade. There's many slip twixt the cup and the lip. Stories. М.: Высшая школа. 1965. С.5,9,11.
7. S.D. Marcum, B.N. Ganguly. Electric-field –induced flame speed modification. Combustion and Flame. 2005. 4, p.27-36.

Ж. М. Оспанова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Феномен сознания человека, его восприятия и преломления образов мира в языковые картины мира в последние годы активно обсуждается многими исследователями, однако, всестороннего, достаточно исчерпывающего освоения эта проблема не получила ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике.

Идея о том, что в языке находят отражение обычаи, традиции, мысли народа, зародилась еще в античном мире, прошла через средние века и прошла в разнообразных изменениях через всю историю языкознания. Мысль о существовании особого языкового мировидения была сформулирована В.Гумбольдтом как научно-философская проблема еще в начале XIX века. Исследование языковых феноменов представляется наиболее перспективным направлением для изучения самой картины мира (и связанного с ней национального характера), так и для выявления механизмов, транслирующих определенные этнические константы. Идеи В. Гумбольдта [1, 47] об определяющем воздействии языка на мировосприятие и

культуру народа (*“Язык народа есть его дух”*) оказались чрезвычайно эвристическими и получили в дальнейшем разностороннее развитие. В XX веке эту идею обогатило убеждение в том, что и язык, в свою очередь, воздействует на историческое развитие и образ жизни народа (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа). В современных исследованиях учение о взаимодействии языка и культуры, языка и менталитета этноса, языка и национальной психологии (национального характера) обозначено рамками новой – отрасли языкознания – этнопсихолингвистики, которая рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и исследует этнопсихолингвистическую детерминированность (обусловленность) языкового сознания и коммуникации.

Отправной точкой исследований этой отрасли языкознания является понятие так называемой *языковой картины мира*. Понятие картины мира как модели мира используется во многих науках. Существуют физическая картина

мира, языковая картина мира, религиозная картина мира, поэтическая картина мира, представленная в творчестве какого-либо отдельного поэта, и т.д. Языковая картина мира – это «зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности» [1, 9], это «отражение в языке представлений о мире, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива» [1, 218].

Гипотеза о том, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка, была выдвинута американскими учеными Э.Сепиром и Б.Уорфом. Они первыми высказали предположение, что языки различаются своими «языковыми картинами мира». Из их рассуждений следовало, что люди, говорящие на разных языках, имеют разные типы мышления, причем именно язык обусловил эти различия, представив мир в своеобразной *относительности* восприятия.

Первоначально эта идея была сформулирована Э. Сепиром, полагавшим, что «люди живут не только в объективном мире вещей, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества...Миры, в которых живут различные общества, – это различные миры, а не просто один и тот же мир, которому приклеены одни и те же этикетки. Другими словами, в каждом языке содержится своеобразный взгляд на мир, и различие между картинами мира тем больше, чем больше различаются между собой языки» [1, 135]. В этих рассуждениях Э.Сепира речь идет об активной роли языка в процессе познания, о его эвристической функции, о его влиянии на восприятие действительности. Общественно сформировавшийся язык в свою очередь влияет на способ восприятия и понимания мира обществом. Для Сепира язык представляет собой своеобразную *символическую систему*, которая не просто соотносится с нашим опытом, полученным эмпирическим путем (через органы чувств – зрение, слух, осязание и др.) независимо от этой языковой системы, а некоторым образом *определяет, формирует* наш опыт.

Дальнейшая разработка концепции принадлежит Б.Уорфу, который еще более категорично утверждал, что языки расчлняют мир по-разному, поэтому обнаруживается относительность всех понятийных систем. Развивая и конкретизируя идеи Э.Сепира, он проверяет их на конкретном языковом материале и культуре североамериканского племени индейцев хопи и

в результате формулирует принцип лингвистической относительности. Более того, он выдвинул доктрину лингвистического детерминизма, подчеркивая, что «основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума» [2, 174]. Наблюдая, насколько весь уклад жизни и языки североамериканских индейцев непохожи на культуру и языки народов Европы, Э.Сепир и Б.Уорф усматривали первоисточник этих различий в своеобразии языков. В подтверждение своей гипотезе они находили множество фактов. Например, в европейских языках определенное количество вещества невозможно назвать одним словом – нужна двучленная конструкция, где одно слово указывает на количество (форму,местилище), а второе – на само вещество (содержание): стакан воды, ведро воды, лужа воды. Уорф писал, что в данном случае сам язык заставляет говорящих различать форму и содержание, таким образом, навязывая им особое видение мира. По Уорфу, это обусловило такую характерную для западной культуры категорию, как противопоставление формы и содержания. В отличие от «среднеевропейского стандарта», в языке индейцев хопи названия вещества являются вместе с тем и названиями сосудов,местилищ различных форм, в которых эти вещества пребывают; то есть, двучленной конструкции европейских языков здесь соответствует однословное обозначение. С этим связана неактуальность противопоставления «форма – содержание» в культуре и менталитете индейцев хопи.

По мнению Сепира и Уорфа, мышление и восприятие не могут не зависеть от того, на каком языке говорит человек. В современном языке эскимосов имеется около двадцати слов для обозначения понятия «снег», в английском языке – одно, а в языке ацтеков есть только одно слово, обозначающее и «снег», и «лед», и «холод». Зато в языке эскимосов существует только одно название для цветковых растений, которых в других языках – десятки и сотни. Во вьетнамском языке есть около 20 наименований бамбука; у арабов-бедуинов различаются десятки наименований для разных видов верблюдов – в зависимости от их породы, возраста, предназначения и т.п. Например, у казахов – множество названий пастбищ для скота (жайлау, қыстау, көктеу, күздеу), одной коневодческой терминологии насчитывается

более сотни слов и т.п. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности следует полагать, что эскимосы способны воспринимать больше видов снега, чем американцы, но не способны различать цветковые растения, а у ацтеков с восприятием снега возникают большие сложности. Так, у каждого народа какие-то участки действительности членятся подробнее, чем другие.

В языках, принадлежащих к одной цивилизации, допустим, европейской, можно найти сколько угодно примеров различной классификации окружающей действительности. Так, в ситуации, в которой русский скажет просто нога («я ногу ушиб»), англичанин должен будет выбрать, употребить ли ему слово *leg* или слово *foot* – в зависимости от того, о какой части ноги идет речь: от бедра до щиколотки или же о ступне. Аналогичное различие представлено и в немецком языке. Еще пример: мы скажем по-русски палец безотносительно к тому, идет ли речь о пальце на ноге или пальце на руке. А для англичанина или немца это «разные» пальцы, и для каждого из них есть свое наименование. Палец на ноге называется по-английски *toe*, палец на руке – *finger*; по-немецки – соответственно *die Zehe* и *der Finger*. Важны ли в действительности эти различия между пальцами, являются ли эти различия в языках принципиальными или обусловленными какими-нибудь объективными природными или этническими особенностями? Представляется, что общности в этих явлениях все же больше, чем различий. Вместе с тем, в русском языке, например, различаются синий и голубой цвета, а для немца или англичанина это различие выглядит несущественным, второстепенным: *blue* в английском и *blau* в немецком – это единое понятие «сине-голубой». Заметим, что при этом бессмысленно ставить вопрос, какой язык ближе к истине, к реальному положению вещей. Каждый язык прав, ибо имеет право на свое «видение мира» [3, 41].

Даже языки близкородственные нередко обнаруживают свою специфичность, непохожесть, особенность. К примеру, языки русский и белорусский очень сходны между собой, являются близкородственными. Однако в белорусском нет точных соответствий русским словам *общение* (его переводят как *адносіны*, то есть, строго говоря, ‘отношения’, или как *зносіны*, то есть ‘сношения’) и *ценитель* (его переводят как *знаток* или как *аматар*, то есть ‘любитель’, что не совсем одно и то же). С другой стороны, с белорусского на русский

трудно перевести слово *ичыры* (это и ‘искренний’, и ‘настоящий’, и ‘дружелюбный’) или *плён* (‘урожай’, ‘успех’, ‘результат’, ‘результативность’). Таких примеров немало можно отыскать в любых языках [2, 35].

Как яркую специфичность в словообразовательной системе русского языка можно отметить очень большое количество уменьшительно-ласкательных суффиксов: *-очк-*, *-оньк-*, *-ечк-*, *-уньк-*, *-еньк-*, *-ушк-*, *-ышк-*, *-юшк-*, *-ик-* и мн. др. Носитель, например, английского языка, в котором практически нет таких суффиксов, не может даже отдаленно себе вообразить все то огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет русскому человеку возможности выразить такое же огромное богатство тончайших нюансов столь эмоционально-выразительной «русской души». Действительно, по-русски можно сказать о людях: *Машенька*, *Машутка*, *Машечка*, *Машуня*, *Машунечка* (легко набирается до 40 таких наименований) и т.д.; *девчушка*, *девочка*, *девонька*, *девчушка*, *девчонка*; о животных: *кот*, *котик*, *котышка*, *котейка*, *котышечка*, *котышенька* и т.д.; *коровка*, *коровушка*, *коровенка*; *собачка*, *собачечка*, *собачонка*; а также и о любом предмете неживого мира: *домик*, *домишко*, *домишечка*, *домичек*, *домушка*, *домок*; *ложечка*, *вилочка*, *кастрюлька*, *сковородочка* и т.д. и т.п.

Профессор Зденька Трестерова из Словакии дает свое объяснение пристрастию русских людей к уменьшительно-ласкательным суффиксам. По ее мнению, это реакция языка и культуры на тяжелую жизнь русского народа. «Чем хуже было благосостояние народа во всех отношениях, тем заметнее тяготение к прекрасному (в духовном смысле, прежде всего среди интеллигенции) и просто к красивому, будь то одежда, духи, мебель... – все равно. Грубость жизни в языке отразилась не только богатым запасом бранных выражений, как можно предположить, но – как ни парадоксально – и с помощью языковых средств выраженной подчеркнутой вежливостью и любовью к ласкательно-уменьшительным словам, диминутивам» [4, 28].

Язык, как видим, оказывается для человека готовым «классификатором» объективной действительности, и это, по образному выражению Т.Мечковской, «он как бы прокладывает рельсы, по которым движется поезд человеческого знания» [5, 56]. Но вместе с тем язык навязывает свою систему классификации всем «участникам

данной языковой конвенции, данного соглашения», по Э.Сепиру.

Языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка [2, 72], это упорядоченная, социально значимая система языковых знаков, содержащая информацию об окружающем мире, это отражение объективной действительности средствами конкретного языка. Объективная действительность отражается в нашем сознании в понятиях, а понятия выражаются словами. Так образуется цепь: действительность – понятие – слово. В этой цепи первичным является действительность, а понятие и слово являются вторичными. Слово выступает как языковой эквивалент соответствующего понятия и возникает вместе с понятием. Будучи условным обозначением понятия (символом понятия, знаком), слово вызывает представление о предмете, признаке, действии, явлении.

Содержание понятий как формы познания объективной действительности одинаково для всех людей, независимо от того, на каком языке они говорят (в противном случае был бы невозможен полноценный перевод с одного языка на другой). Однако не одинаковы способы словесного выражения понятий в разных языках: для выражения одних и тех же понятий могут быть использованы разные образы-символы. Ср.: рус. *ушко иглы* – казах. *ине кәзі* («глаз иглы»), *подножье горы* – *тау етегі* («подол горы») и другие. Различные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет, а отражают разные видения этого предмета, т. е. национальное видение мира [6, 25]. Соответственно каждый народ (этнос), каждая лингвокультурная общность обладает своей национальной картиной мира, которая формирует тип отношения человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения, в том числе речевого поведения человека в обществе. Национальная картина мира определяет национальную языковую картину мира данного этноса.

Итак, язык формирует мировоззрение человека, его внутренний мир, расчленяет окружающую действительность в соответствии с определенными языковыми законами, навязывает языковому коллективу определенный образ мира и образ мыслей – такова суть *сильного варианта* теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Вместе с тем, некоторые факты говорят о том, что влияние языка на восприятие и мышление не столь значительны,

как предполагали Сепир и Уорф. Многие психологи, изучавшие влияние лексических различий на познавательные процессы, исходили из *слабой версии* гипотезы лингвистической относительности, согласно которой языки отличаются друг от друга не столько тем, что в них *можно* выразить, сколько тем, что в них *нужно* выразить.

Таким образом, с одной стороны, язык определяет нашу концепцию мира в гораздо большей степени, чем мы предполагаем, исходя из обычного опыта, а с другой, – каждый язык создает свою собственную, иначе структурированную действительность.

Языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности [5, 69]. Это отражение в языке представлений о мире, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива. Языковая картина мира беднее концептуальной. В языковой системе находит выражение только незначительная часть представлений о мире данного языкового социума. Как известно, язык эволюционирует медленно, его семантика отражает в значительной степени пережиточную картину мира. Поэтому языковую картину мира иногда называют *наивной* [5, 10]. Однако, как подчеркивает Ю.Д. Апресян, *наивная* – не означает примитивная, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений [7, 39], таким образом, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия порядка вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению. (Ср.: человечество уже несколько веков знает, что Земля вращается вокруг Солнца, а мы все еще продолжаем говорить *Солнце встало, солнце зашло*).

При исследовании и реконструкции языковой картины мира основополагающим фактором является учет национальной специфики восприятия мира и закрепления в языке знания о нем. Языковая картина мира – это своего рода особый промежуточный мир, создаваемый языком, который в силу этого всегда имеет характер родного языка. Именно это положение легло в основу широко известной теории лингвистической относительности.

Языковая картина мира – это особая когнитивная структура, но она больше чем просто структура знаний о мире, в ней находит отражение, например, восприятие одного знания через другое (значение языковой единицы понимается через ее внутреннюю форму), приоритетно внимание к той или иной области

знания (протяженные синонимические ряды, объемные тематические группы), что обусловлено не только общечеловеческими, но и национальными особенностями познания мира и представления знания в языке. Как отмечает Л.Й. Вейсгербер, создаваемый языком промежуточный мир всегда имеет характер родного языка [8, 16]. Возможность реконструкции представления о мире на основе языковых факторов, т.е. реконструкции языковой картины мира, в достаточной мере признана в современном языкознании.

Можно также отметить, что понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследования языковой картины мира ведутся в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*).

Думается, что на основании приведенных примеров и сопоставлений мы вправе сделать

вывод о том, что язык действительно и формирует, и отражает специфику национального характера и национальной психологии своего народа.

А.Мельникова предлагает другие два направления в рассмотрении языка. «Первое – это анализ лексики, в которой конкретизируется, воплощается конкретно-историческая картина мира данного народа (впрочем, конечно, не только воплощается, но и транслируется, ибо ребенок, усваивая язык, впитывает также соответствующий тип мировоззрения). Второе направление – анализ грамматических структур, часть которых создает рамку для формирования национальной картины мира» [9, 13].

Соотношение языка и мышления (познания) или, иначе, – влияние различных языков на познавательную деятельность их носителей; проблема различной категоризации действительности (неидентичность «членения» действительности в различных языках) и проблема влияния языка на поведение людей (влияние образцов деятельности, категоризованных в вербальной форме и существующих в виде мыслительных операций, на актуальную деятельность). Все это составляет ядро «теории лингвистической относительности» Сепира-Уорфа: язык – мыслительная деятельность, язык – познавательная деятельность, язык – категоризованная в языке реальная действительность; язык – поведение носителя языка, что также явилось предметом нашего анализа и реферативного обзора различных точек зрения на эту широко обсуждаемую в языкознании теорию.

Таким образом, мы попытались установить связь между языком, на котором говорит и мыслит определенное лингвокультурное сообщество, со спецификой национального характера и выявить национально-культурную обусловленность, различие в языковых картинах мира у представителей разных этносов.

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. – В кн. В.А.Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, Ч.1, 1964. – С. 47, 9, 218, 135.

2. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика. // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С.174, 35, 72.

3. Дмитриук Н.В. Русская ментальность в зеркале русского языка. // Актуальные проблемы филологии: теория и методика. – Шымкент, 2006. – С. 41.

4. Трестерова З. Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка // 9 Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. – Братислава, 1999. – С. 28.

5. Мечковская Т. Коллизии современной коммуникации и их влияние на функциональный уклад языков. // Язык и социум. – Минск, 2001. – С. 56, 69, 10.

6. Закирьянов К.З.. Отражение языковой картины мира в языковом сознании билингва. – Язык и культура. – Уфа, 1995. – С. 25.

7. Апресян Ю.Д.. Современные методы изучения

значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. – М., 1974. – С. 39.

8. Вейсгербер Л.Й. Родной язык и формирование духа. – М., 1993. – С. 16.

9. Мельникова А. Язык и национальный характер. – М., 2003. – С. 13.

Ж. Т. Қысмуратова

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ВРАЧА КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ

Существенной стороной труда врача является коммуникативная деятельность. Специфика коммуникативной деятельности медицинского работника состоит в том, что общение происходит в двух основных его формах – в одном случае это средство организации деятельности, в другом – удовлетворение потребности человека в живом контакте. Медицинская деятельность соответствует модели общения по схеме «субъект - субъект», в которой общение рассматривается как основная потребность человека.

Профессия врача - «риторическая» в смысле необходимости для врача владеть искусством речи. Овладение мастерством установления контакта и общения с больным является одной из основных профессиональных проблем врача [1], поскольку «ролевое взаимодействие «врач - пациент» с необходимостью предполагает установку на общение» [2]. Хорошая коммуникация пациент-врач, подчеркивал один из ведущих психиатров Финляндии Kalle Achte, не может рассматриваться только как интуитивный дар, так как это профессиональное умение, мастерство, которому можно научить и которому можно научиться [3].

А.Косевска отмечает, что важным элементом коммуникативной компетентности врача является профессиональное владение так называемой «триадой Роджерса» (эмпатия, акцептация, аутентичность), позволяющей ему испытывать и проявлять по отношению к больному положительные эмоции и доброжелательность. Эмпатийный подход врача проявляется не только в его способности чувствовать эмоциональное состояние больного в общении, но и уметь передавать пациенту, что он полностью понят. Принятие и уважение

личности пациента, невзирая на его недостатки, отсутствие критического, высокомерного, оценивающего отношения – в этом смысл феномена акцептации в профессиональной деятельности врача. Аутентичность личности врача проявляется в том, что его невербальное поведение идентично словам и действиям, а эмоции и переживания в контакте с больным являются подлинными. Аутентичность в поведении врача становится особенно значимой в трудных ситуациях взаимодействия с больным, например при необходимости сообщить диагноз. Скрываемое или недостаточно осознаваемое негативное отношение к пациенту обнаруживается в невербальных проявлениях и распознается больным: он получает представление об истинном отношении к нему врача и контакт ухудшается [4].

Лечение больного не может осуществляться вне акта коммуникации, так как он несет в себе элемент убеждающего воздействия, требующего для достижения намеченной цели активного взаимодействия обоих партнеров.

В коммуникативном потенциале врача заключены навыки и умения общения, которые помогают ему оказывать на пациента психологическое воздействие. Метод психологического влияния идет по пути убеждения, которое направлено на создание адекватного представления пациентов о своей болезни. В деятельности врача-клинициста метод убеждения является одним из существенных психотерапевтических способов воздействия на пациента. Убеждение, основанное на выстраивании сильных прямых аргументов, является более устойчивым и с большей вероятностью способно повлиять на поведение [5]: